

The book cover features a close-up of a man's face on the right, looking directly at the viewer with a serious expression. He has short, dark hair and a light beard. On the left, a woman with long, wavy blonde hair and blue eyes is shown from the chest up, wearing a light purple lace dress with long sleeves. She has her hands clasped over her chest. The background is a soft-focus interior with a window and purple curtains. The title 'БЫВШИЕ' is in large red letters, and 'Моя вторая жизнь' is in purple script and sans-serif fonts. The author's name 'АГАТА ВЕБЕР' is in purple sans-serif font at the top left.

АГАТА
ВЕБЕР

БЫВШИЕ

Моя вторая жизнь

Агата Вебер

Бывшие. Моя вторая жизнь

«Автор»

2026

Вебер А.

Бывшие. Моя вторая жизнь / А. Вебер — «Автор», 2026

— Садись в машину, — его тон не терпел возражений. — Отойди, я вызову такси. Я попыталась обойти его, но он преградил мне путь, нависая всей своей мощью. Прохожие уже начали с любопытством оглядываться на нас. Устраивать скандал прямо под окнами работы мне хотелось меньше всего. Сжав зубы, я нырнула на пассажирское сиденье. Ярослав сел за руль, и тут же раздался сухой, щелкающий звук блокировки дверей. Ловушка захлопнулась. — Открой немедленно! — я дернула ручку, чувствуя нарастающую панику. — Нет. Нам нужно поговорить, Тата, — он отстегнул ремень и повернулся ко мне.

Содержание

Глава 1	6
Глава 1.	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Гл	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Агата Вебер
Бывшие. Моя вторая жизнь

Глава 1

Глава 1.

Я не спешила покидать территорию женской консультации, словно само это здание было последним рубежом моей безопасности. Выйдя на крыльцо, я замерла и прикрыла глаза, жадно впитывая прохладу осеннего воздуха. Хотелось как можно скорее вытравить из легких этот въедливый, до боли знакомый запах стерильности и хлорки, который всегда вызывал у меня лишь глухую, липкую тревогу. Ирония судьбы: я сама работаю медсестрой в перинатальном центре, но каждый раз, вдыхая этот «больничный аромат», я словно заново переживаю свой личный ад.

Однако сегодня мир вокруг меня внезапно преобразился, наполнившись калейдоскопом невероятно ярких красок. Обычные звуки улицы — гул машин, детский смех, шелест шин по мокрому асфальту — казались оглушительной симфонией жизни. Я опустила на корточки и бережно подняла с земли опавший кленовый лист, с детской осторожностью рассматривая его тонкое кружево прожилок. Внутри меня всё пело, вибрировало от неведомой ранее силы.

— *Ты здесь, ты во мне,* — прошептала я одними губами, и эта мысль отозвалась во всем теле сладким покалыванием.

Всего пять дней назад обычный тест перевернул мою вселенную двумя полосками, а сегодня Елена Викторовна, моя подруга и лучший гинеколог, подтвердила на УЗИ: крошечное сердце бьется, семь-восемь недель. Я инстинктивно прижала ладонь к животу, ощущая под тонкими пальцами свою самую большую тайну. У меня снова появился смысл просыпаться по утрам. Мое маленькое, невозможное чудо, которое я теперь не отдам ни судьбе, ни людям, никому...

— *Пусть это будет девочка,* — мечтательно пронеслось в голове. — *С такими же темными, почти шоколадными глазами, как у него...*

Образ Ярослава возник перед глазами мгновенно, отозвавшись резкой болью в груди. Мы ведь были совсем детьми, когда бросились в этот омут под названием «брак». Мне девятнадцать, ему чуть больше — студенты, живущие на одну стипендию и огромные амбиции. Мы строили планы, смеялись над бытовыми трудностями, пока его служба в ОМОНе и мои смены в роддоме не начали медленно выедавать нашу близость. Мы решили «пожить для себя», не зная, какую цену придется заплатить за это легкомыслие.

В двадцать шесть лет я была уверена, что счастье наконец-то постучалось в нашу дверь. Идеальная беременность, радостное ожидание... а потом тишина. Та самая страшная, вакуумная тишина в родзале, когда ребенок рождается, но не кричит.

— Ноль по Апгар, — эти слова до сих пор звучат в моих ушах похоронным звоном.

Мой мир тогда не просто рухнул, он превратился в пепел. А когда я, изможденная и пустая, вернулась в нашу квартиру, меня ждал второй удар, который окончательно добил всё живое во мне. Грязная, подлая измена Ярослава прямо в нашей постели. Тот развод не просто разорвал документы — он уничтожил мою душу на лоскуты. Четыре года я училась дышать заново, вычеркнув его из памяти. Пока одна-единственная ночь на свадьбе нашей общей подруги не разрушила всю мою оборону, оставив после себя это крошечное биение сердца под моими ребрами.

— Татка! Ну ты даешь! Чего светишься, как медный таз на солнце?

Громкий, беспардонный голос Марины выдернул меня из кокона воспоминаний. Бывшая одноклассница спешила ко мне, лихо цокая платформой своих неизменных вызывающих сапог. В этой своей короткой куртке и летящей юбке она выглядела всё такой же взбалмошной девчонкой, которой была десять лет назад.

— Привет, Мариш, — я постаралась придать лицу спокойное выражение и спрятала руку в карман. — Да вот, залюбовалась осенью. Красиво сегодня, правда? И воздух такой... особенный.

Марина прищурилась, её цепкие серые глаза буквально впились в моё лицо, пытаюсь разгадать причину моего странного воодушевления.

— Слушай, а куда вы тогда с Яриком испарились со свадьбы? — она хитро подмигнула, и я почувствовала, как предательский румянец заливает щеки. — Неужели былое вспомнили? Ох, дорогая, искры между вами летели такие, что пожарных можно было вызывать!

— Мариш, это не тема для разговора, — я попыталась уйти от ответа, чувствуя, как внутри начинает зарождаться холодная паника.

— Да ладно тебе, не строй из себя недотрогу! — Марина отмахнулась, а потом вдруг понизила голос, переходя на заговорщицкий тон: — А ты вообще в курсе, что он сейчас всю ухлестывает за дочкой мэра? Лиана её зовут. Такая фифа, пальцы веером. Говорят, там всё серьезно.

Слова подруги действовали как ледяной душ. Дыхание перехватило, а в груди словно провернули тупой нож.

— *Дочка мэра... Конечно, Ярослав всегда умел выбирать партии попрестижнее*, — горько подумала я, но вслух произнесла другое, — Нет, не в курсе...

— Ну а ты как хотела? — Марина пожала плечами, не замечая моей бледности. — Он мужик видный, при должности. А ты, Танька, дурында. Сама его выставила тогда. Ну подумаешь, оступился парень по пьяни! С кем не бывает? Кто ж из-за такой ерунды от мужа уходит?

— Для меня верность — не ерунда, — жестко отрезала я, чувствуя, как горло сдавливают слезы обиды. — Ты же знаешь, что я тогда пережила. Потерять ребенка и увидеть в своей постели другую — это не «оступился». Это конец. — Я судорожно выдохнула, и в этот момент решение, которое я боялась произнести даже вслух, созрело окончательно. — Мариш... я беременна, — слова сорвались с губ прежде, чем я успела себя остановить.

Марина замерла, её глаза округлились до размеров монет.

— Вот это да! Поздравляю! Что, Ярику уже сообщила радостную весть?

— Я ему ничего не скажу, — я покачала головой, плотнее запахивая пальто, словно пытаюсь отгородиться от всего мира. — У него своя жизнь, дочка мэра и большие перспективы. Я не хочу снова проходить через тот ад. Этот ребенок — только мой. Мой и больше ничей.

— Ну ты и упрямая... — протянула Марина, качая головой. — Ладно, мне пора. У нас с Петей годовщина, надо ужин сообразить. Точно сама дойдешь? Вид у тебя, честно говоря, не очень.

— Иди уже, всё в порядке.

Мы попрощались, и я медленно побрела в сторону дома по сгущающимся сумеркам. В голове роились мысли о Ярославе, о его новой страсти и о моей собственной глупости. Неужели та ночь, которая вернула меня к жизни, для него была лишь мимолетным эпизодом?

Словно в ответ на мои терзания, дорогу мне преградила роскошная черная иномарка. Дверца с глухим стуком хлопнулась, и на тротуар шагнул человек, которого я боялась встретить больше всего на свете. Сердце предательски замерло, а потом пустилось вскачь. Ярослав стоял передо мной — широкоплечий, пугающе уверенный, с тем самым пронизывающим взглядом, от которого у меня всегда подкашивались ноги.

— Привет, Тата, — произнес он, и в его голосе прозвучала такая непривычная, глубокая нежность, что у меня на мгновение потемнело в глазах.

— Привет, Ярик, — я заставила себя смотреть ему прямо в лицо, хотя внутри всё дрожало. — Что ты здесь делаешь?

— Как ты? — он сделал шаг навстречу и, не удержавшись, коснулся моей руки.

Его пальцы, теплые и мозолистые, скользнули по моему запястью, и по моему телу пробежал электрический разряд. Проклятые гормоны и память тела! Мой разум кричал, что нужно бежать, но рука сама собой ответила на его прикосновение. Мы стояли, переплетя пальцы, и воздух между нами стал настолько густым, что его, казалось, можно было резать ножом.

— Твоими молитвами, Ярослав Александрович, — тихо проговорила я, пытаюсь найти в себе силы разорвать этот контакт.

— Милый, ну ты где там застрял? Мы же опоздаем!

Высокий, капризный голос разрушил очарование момента, как камень, брошенный в зеркало. Мы оба вздрогнули и обернулись. Из машины, грациозно ступая на неровный асфальт, выпорхнула блондинка. Безупречный стиль, дизайнерское пальто и надменный взгляд — Лиана. На её фоне я, в своих джинсах и старом пальто, почувствовала себя жалкой и невзрачной.

— Лиана, — голос Ярослава мгновенно стал стальным, — сядь обратно в машину. Я сейчас буду.

— А это ещё кто такая? — девушка скривила губы в брезгливой усмешке, окинув меня взглядом, каким смотрят на мусор.

Я выпрямилась, чувствуя, как во мне закипает праведный гнев.

— Я Татьяна. Бывшая жена Ярослава.

Лиана картинно рассмеялась, запрокинув голову.

— Ой, ну надо же! Бывшая жена! И ты думаешь, он к тебе вернется, милочка? Не смеши меня! Ярик, если ты сейчас же не сядешь в машину, я уеду одна, и папа об этом узнает!

Она раздраженно захлопнула дверь, а Ярослав снова повернулся ко мне, его ладонь сжалась на моей руке еще крепче.

— Прости за это, Тата. Нам действительно нужно поговорить. Нормально, по-человечески.

Я с силой вырвала руку, чувствуя, как на глаза наворачиваются горькие слезы.

— О чем нам говорить, Слава? О том, как ты выбираешь себе «дочек мэра»? Или о том, как ты ловко совмещаешь встречи с бывшими и свидания с нынешними?

Из окна машины снова донеслось нетерпеливое:

— Малыш, ну сколько можно!

Я горько усмехнулась, глядя в его растерянные, потемневшие глаза.

— Нам не о чем говорить, Ярослав. Иди. Тебя ждет твой «малыш».

Я развернулась и почти бегом бросилась к подъезду, глотая слезы. Я не хотела, чтобы он видел мою слабость. Теперь я знала одно: этот ребенок — мой единственный шанс на спасение, и я сделаю всё, чтобы Ярослав никогда не переступил порог нашей новой жизни.

Глава 2

Ноги налились словно свинцовой тяжестью, пока я наконец добиралась до дома. Каждый шаг давался с трудом, словно само пространство сопротивлялось моему возвращению в реальность. Повернув ключ в замке, я скользнула в темную прихожую и с невероятным облегчением выдохнула: мамы еще не было. Сейчас мне жизненно необходимо было побыть в одиночестве, чтобы унять дрожь в руках и хоть немного разложить кавардак в мыслях по полочкам.

Сбросив плащ прямо на ходу, я прошла в свою комнату. Руки сами потянулись к нижнему ящику комода — там, под ворохом вещей, покоился свадебный альбом. Я опустила на кровать, открыла тяжелую обложку и тут же предательски зашмыгала носом. Опять эти проклятые гормоны... а может, и не только они.

С глянцевого страниц на меня смотрели двое абсолютно счастливых, влюбленных до безумия людей. Девчонка с сияющей улыбкой в белоснежном платье и Ярослав, который смотрел на нее так, будто она была центром его личной вселенной, его единственным смыслом. Я осторожно провела пальцем по его лицу на фотографии, и в горле встал горький ком. Наше расставание стало для меня не просто разводом, а долгой, мрачной реставрацией разбитой жизни. Помню, как после окончательного разрыва я, раздавленная и потерянная, вернулась жить к маме. Она тогда крепко обняла меня и горько вздохнула:

— Эх, Тата... То ли ты по натуре дура, то ли натура у тебя дура.

С тех пор я так и жила, ведя бесконечные безмолвные споры со своими внутренними демонами.

В коридоре отчетливо щелкнул замок. Послышался шорох пакетов, и кто-то тихонько, вполголоса, замурлыкал веселый мотивчик. Мамуля пришла. Я поспешно вытерла слезы, захлопнула альбом и вышла ей навстречу, стараясь придать лицу будничное выражение.

— Доченька, ты уже дома? А ты разве не на смене? — удивилась мама, скидывая туфли. И тут я замерла, заметив в её руках роскошный букет цветов.

— Нет, ма. У меня смена только завтра, я же тебе говорила, — ответила я, не сводя глаз с цветов.

Мама суетливо зашуршала оберткой и направилась на кухню, чтобы поставить букет в вазу. Я пошла следом, чувствуя, как внутри всё сжимается от волнения.

«Надо сказать. Прямо сейчас, иначе я струшу».

— Мам, присядь, пожалуйста. Нам нужно поговорить.

Она тут же побледнела, опустила на табуретку и картинно прижала руку к сердцу:

— Таточка, девочка моя, что случилось? На тебе лица нет!

— Ничего плохого, мамуль. Выдохни, — я налила ей стакан воды и вложила в подрагивающие ладони. Дождалась, пока она сделает глоток, и, глядя прямо в её тревожные глаза, на одном дыхании выпалила: — Я беременна.

Мама замерла. Вода в стакане дрогнула, а в следующую секунду она вскочила, едва не опрокинув табуретку, и бросилась меня обнимать.

— Прелесть! Ну наконец-то дождалась! Радость-то какая, доченька! — она осыпала мои щеки поцелуями, то смеясь, то плача одновременно. — А Ярик... уже в курсе?

Я отстранилась и нахмурилась, чувствуя, как радость сменяется привычным раздражением:

— А с чего ты вообще взяла, что отец — Ярослав?

— Ой, ну как будто я свою дочь не знаю! — фыркнула мама, вытирая слезы счастья краем фартука. — Ты же после него ни одного мужчину к себе на пушечный выстрел не подпускаешь. Однолюбка ты моя.

— Слишком хорошо ты меня знаешь, Эмма Эдуардовна, — вздохнула я, сдаваясь.

— Сама такую воспитала! — гордо заявила она.

Я перевела взгляд на букет, который теперь красовался в центре стола. Настало время для второй части «марлезонского балета».

— Ма, а теперь ты колись. Откуда такая красота? Кто этот тайный поклонник?

Она вдруг стушевалась и покраснела. Это было настолько странно и непривычно, что я напряглась. После смерти папы мама ни с кем даже не флиртowała, она, как и я, отдала свое сердце лишь однажды.

— Ну... как бы тебе сказать... — замялась она, теребя край скатерти.

— Говори прямо. Не виляй. Кто ухажер?

Мама выдержала театральную паузу, глубоко вздохнула и выдала на одном выдохе:

— Пётр Иванович.

У меня буквально отвисла челюсть.

— Что?! Наш заведующий отделением? Мам, ты шутишь? Это какой-то розыгрыш, который я проспала?

— Нет, доченька, не шучу, — её щеки покрыл нежный девичий румянец. — Мы с ним встречаемся. И он зовет меня замуж. Сегодня вечером он придет к нам, чтобы официально просить твоей поддержки.

Я ошарашенно осела на стул. Вот это поворот!

— Ма-а-ам... И как мне теперь с ним работать? Ты об этом подумала?

— Как-как... Обычно! — она пожала плечами так легко, будто речь шла о покупке новых занавесок, а не о браке с моим начальником.

— Но как? Почему я ничего не замечала столько времени?

— А мы мастерски конспирировались, — лукаво усмехнулась она. — Ладно, давай готовиться. Жених скоро будет.

Мама умчалась в свою комнату прихорашиваться, а я пошла переодеваться. Натянула домашние шорты и любимую клетчатую рубашку. Покрутилась перед зеркалом — а я ведь всё еще очень хороша! Короткая стрижка сделала черты лица мягче, подчеркнула полные губы и фарфоровую бледность кожи. Я провела ладонью по пока еще плоскому животу, представляя, как скоро эти шорты перестанут на мне застегиваться.

— Таточка, помощь нужна? — в кухню заглянула мама. Она уже успела переодеться в халат, распустив свои густые волосы.

— Нет, я сама курицу замариную. А ты пока картошку почисти. — Мы встали рядом у столешницы, каждая погруженная в свои мысли. — Вот выйдешь ты замуж за моего заведующего, переедешь к нему, и останусь я одна-одинешенька, — пробормотала я вслух, сама того не замечая.

Мама отложила нож, подошла ко мне и мягко обняла за плечи, прошептав фразу из моего далекого детства:

— Не брошу я тебя. Потому что ты у меня самая лучшая.

Пётр Иванович пришел минута в минуту. И не с пустыми руками, а с маленькой плетеной корзиной, доверху наполненной отборными фруктами. Мама встретила его «при параде» — я чуть дар речи не потеряла, увидев её в длинном, струящемся синем платье, которое идеально подчеркивало фигуру. Глядя на неё, сияющую и словно помолодевшую, я радовалась всем сердцем. На её улице наконец-то наступил праздник. А значит, и на моей когда-нибудь выглянет солнце.

— Таточка, — мягко обратился ко мне Пётр Иванович, когда мы уже уселись за стол. — Ты ведь не против наших с Эммой отношений?

— Нет, конечно! Я за маму очень рада. Но вы же понимаете... мне, наверное, придется перевестись в другой отдел. Пойдут же сплетни, что заведующий дает поблажки своей падчерице.

Пётр Иванович понимающе кивнул.

— Я тоже об этом думал. Считаю, тебе стоит перейти на должность процедурной медсестры в центр генетики. Во-первых, никаких сплетен. А во-вторых, там спокойная дневная работа. В твоём положении ночные дежурства ни к чему.

Я чуть вилок не поперхнулась от такой осведомленности.

— Откуда вы знаете про мое положение?

Он усмехнулся:

— Стены в нашей больнице имеют уши, Таточка. Твоя подруга Лена сегодня так громко радовалась в коридоре, что не слышал её только глухой. Семь недель, если не ошибаюсь?

Я обреченно вздохнула. Конспирация — явно не мой конек.

— Это прекрасная новость! Предлагаю за это выпить по капельке, — он разлил по бокалам искрящийся виноградный сок. — За тебя, Тата, и за новую жизнь.

Мы чокнулись. Краем глаза я заметила, как мама тихонько пихнула Петра Ивановича локтем в бок. Тот откашлялся, внезапно став очень серьезным и важным.

— Эмма, — его голос слегка дрогнул. — Я долго жил один. Я вдовец, и эти годы дались мне нелегко. Но ты вернула мне радость. Я люблю тебя. И сейчас, при твоей дочери, я хочу задать главный вопрос. Ты станешь моей женой?

Мама смотрела на него так тепло и нежно, что у меня снова защипало в глазах.

— Да, Петя. Я согласна. Только давай без пышных торжеств, хорошо? Смешно на старости лет в белом платье фатой трясти.

Пётр Иванович хитро прищурился и мягко накрыл её ладонь своей:

— Как скажешь, родная. Как скажешь.

Глава 3

Утром, застыв перед зеркалом в ванной, я окончательно утвердилась в своем решении: из роддома нужно уходить. Как бы сильно я ни любила свою работу, как бы ни привыкла к крикам новорожденных, трудиться под началом будущего отчима — сомнительное удовольствие. Сплетни в больничных стенах распространяются быстрее лесного пожара, и я не хотела становиться их главным топливом.

В обеденный перерыв я отправилась к Инессе Владленовне, старшей медсестре нашего диагностического отделения. Она была мне не просто коллегой — двоюродной сестрой моей матери, моей крестной и, пожалуй, самой понимающей женщиной на свете. Инесса работала в центре генетики при консультации, куда я и планировала перевестись.

Я тихонько постучала в массивную дверь и заглянула в кабинет.

— Можно к тебе, Инесса?

— Конечно, Таточка! Заходи, — тетя оторвалась от кипы бумаг и окинула меня цепким, чисто профессиональным взглядом. — Ну, рассказывай, с чем пришла. На тебе лица нет, одни глаза остались.

Я присела на самый край стула и, решив не тянуть кота за хвост, выпалила:

— Я беременна. И мне очень нужна работа в твоём отделении. Процедурной сестрой.

Инесса Владленовна мгновенно побледнела, её густые брови сурово сошлись на переносице.

— Тата... Я очень надеюсь, что ты пришла ко мне не за направлением на прерывание?

— С чего ты взяла?! — я возмущенно всплеснула руками, чувствуя, как проклятые гормоны тут же подкатили к горлу тугим комом. — Я в своем уме. Этот ребенок — всё, что у меня есть.

Тетя шумно выдохнула и прижала ладонь к груди, прикрыв глаза.

— Слава всем яйцам Фаберже! У меня чуть сердце не остановилось, — она горько усмехнулась, и морщинки в уголках её глаз наконец разгладились. — А зачем тогда переводиться? У нас ведь работа монотонная.

— Процедурной сестрой мне будет проще, — честно призналась я. — Сделала укол, взяла кровь — и всё. А в роддоме, на посту... там слишком много жизни и слишком много смерти. Каждый раз приходится закрывать сердце на замок, чтобы не расплакаться вместе с роженицами. Мне сейчас лишние стрессы ни к чему. Да и мамину историю с Петром Ивановичем обсуждать за спиной не хочется.

Инесса хитро прищурилась, разливая ароматный чай по чашкам.

— Значит, про Эмму и Петра — не слухи? Вот ведь партизанка! Пыталась я с ней поговорить, а она мне: «Не лезь, Инесса, я девочка большая». Ну, за них! И за твою кроху. Беру тебя к себе, Татка. Будешь работать пятидневку с восьми до трех.

Недели закружились в бесконечном вихре анализов, штативов с пробирками и бесконечных медицинских карт. В центре генетики я трудилась уже два месяца. Живот начал едва заметно округляться, и я с тайным удовольствием сменила приталенные халаты на свободные медицинские костюмы нежно-голубого цвета.

Очередное утро началось как обычно: я взяла кровь у нескольких маленьких пациентов и, передав материал в лабораторию, возвращалась в процедурный кабинет мимо поста. И вдруг замерла, словно натолкнулась на невидимую бетонную стену.

На диванчике для ожидания сидели Ярослав и Лиана. Судя по характерному, уже весьма заметному округлению её живота под облегающим кашемировым платьем, она была беременна. Месяц четвертый, не меньше.

Воздух в коридоре мгновенно стал разреженным, мне стало нечем дышать. Я в оцепенении взидала на них. Ярослав хмуро листал ленту в телефоне, Лиана увлеченно рассматривала свой маникюр. Они сидели рядом, плечом к плечу, но от них веяло такой ледяной пустотой, будто они были абсолютно чужими людьми, случайно оказавшимися на одной скамейке.

Но эта пустота не отменяла главного: они ждали ребенка. *Он*ждал ребенка от другой женщины. В то время как под моим сердцем росла его собственная дочь.

В глазах потемнело от острой, пронзительной боли. Я резко развернулась и, стараясь не сорваться на бег, бросилась в сторону сестринской, мечтая об одном — раствориться, исчезнуть. Но Ярослав поднял голову. Боковым зрением я увидела, как он вскочил, забыв про свою спутницу, и почти бегом направился за мной.

Я едва успела толкнуть дверь сестринской, как он вошел следом, отрезав путь к отступлению.

— Тата, стой! — его голос дрогнул, в нем слышалось неприкрытое волнение.

Он окинул меня жадным, сканирующим взглядом, и его глаза замерли на моем изменившемся силуэте. Ярослав побледнел так, что стали видны мелкие шрамы на его лице. Его рука инстинктивно, словно замороженная, потянулась к моему животу.

Я шарахнулась от него, как от огня, вжавшись в шкаф с медикаментами.

— Руки убери! — прошипела я, до боли сжимая кулаки.

— Там тебя ждет невеста. И она, кажется, очень беременна. Иди к ней!

— Тата... ты тоже ждешь ребенка? — он смотрел на меня так, словно увидел призрака. Его кадык нервно дернулся. — Чей он?

От такой запредельной наглости у меня перехватило дыхание.

— А тебе-то что за дело? Мы — чужие люди, Ярослав. Занимайся своей новой семьей и не смей ко мне приближаться, — процедила я сквозь зубы.

— Ярик, дорогой, ну куда ты делся? Твоя девочка скучает! — донесся из коридора капризный голос Лианы.

Я горько усмехнулась, чувствуя, как сердце разбивается на мелкие, острые осколки.

— Иди, «дорогой». Твоя девочка скучает. А у меня всё в полном порядке.

Я с силой оттолкнула его с дороги и выскочила в коридор. Ноги сами принесли меня в ординаторскую. Захлопнув дверь, я сползла по стене на пол и закрыла лицо руками. Меня колотило так, что зубы выстукивали дробь.

— Таточка? Что случилось? Да на тебе лица нет! — в кабинет вошла старшая акушерка Антонина Николаевна. Мы все звали её просто Тонечкой — женщина старой закалки, с тугим пучком седеющих волос, она была для нас второй матерью.

Она тут же подскочила ко мне, помогла подняться и усадила на диван. — Вот, выпей воды. И грушу съешь, я только что помыла, — Тонечка сунула мне в руки сочный фрукт. — Витамины сейчас малому нужны, а не твои истерики. Ну-ка, соберись! Ни один мужик в мире не стоит того, чтобы ты так изводилась. О ребенке думай, слышишь?

Слова Тонечки немного привели меня в чувство. Я заставила себя сделать несколько глубоких вдохов. Она права. Я не позволю Ярославу снова превратить мою жизнь в руины.

Остаток смены прошел как в густом тумане. Вечером, накинув куртку, я вышла на крыльцо клиники. Сумерки уже окутали город, накрапывал мелкий, промозглый дождь. Я поежилась и сделала шаг к тротуару, как вдруг дорогу мне преградила знакомая черная иномарка.

Дверь распахнулась. Ярослав стоял под дождем, преграждая мне путь.

— Садись в машину, — его тон не терпел возражений.

— Отойди, я вызову такси.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.